

Максим Горький

Грустная история

Максим Горький
Грустная история

«Public Domain»

1895

Горький М.

Грустная история / М. Горький — «Public Domain», 1895

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 193, 8 сентября; номер 194, 10 сентября. Подпись: Иегудиил Хламида. Принадлежность М.Горькому этого псевдонима подтверждена им самим в очерке-воспоминании «В.Г.Короленко». Рассказав о том, как В.Г.Короленко уговаривал его уехать в Самару, М.Горький вспоминал: «Потом, когда я писал в „Самарской газете“ плохие ежедневные фельетоны, подписывая их хорошим псевдонимом „Иегудиил Хламида“, Короленко посылал мне письма, критикуя окаянную работу мою насмешливо, внушительно, строго, но – всегда дружески». Рассказ «Грустная история» в собрания сочинений не включался. Печатается по тексту «Самарской газеты».

Это очень грустная история.

Когда моя муза – маленькая, бледная и нервнобо́льная женщина с белокурыми волосами и глубокими голубыми глазками, в которых вечно горит огонь неосуществимых желаний, огонь, медленно, но верно сжигающий её душу сомнением и тоской, – когда моя муза рассказывала мне эту историю, она горько рыдала, и моё сердце тоже плакало, вторя ей, что, впрочем, к делу не относится.

Герой мой был поэт. Когда-то на земле были истинные поэты... Не будем говорить на такую печальную тему, в этой истории и без неё много грусти.

Герой мой был поэт. Как большинство поэтов, он писал стихи, что, конечно, ещё не говорит за или против его достоинств. В этих стихах он воспевал природу, любовь и женщин, свои желания, грёзы и свои страдания, то есть страдания человека, который, имея счастье быть поэтом, подвержен несчастью жить на земле, где даже подлецам живётся нелегко. Он говорил в своих стихах, что его сердце всё изъязвлено сомнением и что черви тоски неустанно гложут его грудь, и, хотя трудно было понять, в чём он сомневается, в торжестве ли всего прекрасного или в том, что слава со временем увенчает его чело и тем отличит его от тысяч собратий по перу, – тем не менее его читали.

Его читали... Из всех способов, которыми люди убивают время, этот ещё не самый худший.

Его описания мук души и язв сердца, благодаря обильной лексикации и умелой архитектонике, выходили довольно правдоподобны и даже, казалось, были искренни... Затем, печальные песнопения были в духе времени, и потому на моего героя возлагались надежды, предполагалось, что он способен сказать новое слово, редакторы платили ему сорок копеек за строчку, критики ласково называли симпатичным талантом, барышни, читая его стихи, мечтали о нём, томно закрывая глаза, дамы же, не имея надобности закрывать глаз, просто мечтали.

И он был молод, – вот его главное достоинство. Он был молод, и поэтому порой в его стихах звучали живые, энергичные ноты надежд и желаний, ноты угроз и упреков...

И я рассказываю о том грустном происшествии с ним, моим героем, после которого эти жизнерадостные и сильные ноты в его песнях исчезли, – о том, что окончательно и навсегда убило его молодую душу, его мечты и надежды, его веру в жизнь и людей, силу его любви и остроту его ненависти. Я рассказываю о том, что он есть...

Я начинаю с того времени, когда он, посещая свою музу, вдохновлялся, целуя её розовые щёчки, пунцовые губки, голубые глазки, беленькие ручки, – вот как красочно я пишу его музу!..

– вдохновлялся и разряжался крошечными грациозными картинками жизни природы и своей души, здоровыми и свежими, как весенние цветы, когда он благосклонно и гордо принимал от всех, кому угодно было засвидетельствовать пред ним, дань удивления его таланту, а в свободное от всего этого время думал о том, что, пожалуй, пора ему совершить нечто такое, что перевело бы его из разряда «симпатичных» талантов в разряд «выдающихся», «замечательных», а пожалуй, хоть и в разряд гениальных, – он ничего не имел и против этого. Я начинаю...

Однажды, славной летней ночью, он возвращался от своей музы, маленькой русой шалуньи, жившей в уютной, светлой комнате, где всё гармонировало между собой и где его муза, среди массы дорогих, изящных безделушек, неоспоримо и законно главенствовала над ними, как самая изящная... Эта муза не была одной из девяти, не служила Аполлону и не владела лирой златострунной, она была одной из трёх сестёр-модисток строго мещанского происхождения, весело служила Венере и, ловко владея иглой, вышивала своими пухленькими ручками и разноцветным шёлком инициалы моего героя на его носовых платках.

Он шёл, а на его лице ещё порхали огненные мотыльки – её поцелуи, в его сердце ярко пылало могучее пламя вдохновения, и сама собой слагалась светлая и могучая песнь во славу любви и в утешение вам.

Тёмно-синее бархатное небо, усеянное бриллиантами и изумрудами трепетно сверкавших звёзд, тихо и ласково улыбалось ему, а лёгкий ветер, полный аромата цветов, овеивая его горевшее от волнения счастья лицо, причёсывал ему мягкие кудри, растрёпанные тёплыми и пышными ручками его музы.

Он был одет в изящный широкий летний костюм, и в этом широком костюме таилось его несчастье, – в чём вы скоро убедитесь. Он шёл, и в сизом сумраке ночи пред очами его, сиявшими светом божественного вдохновения, в фантастическом вальсе кружились дивные образы, и его мысль, мощно связывая их в одно целое, творила чудные, полные огня жизни, поэмы, которым не доставало только слов, звучных, красивых слов, чтоб в стройной гармонии созвучий вырваться из его груди и понестись над землёй, зарождая в сердцах людей стыд за прошлое и ярые потуги и поползновения к совершению поступков положительного свойства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.